

В.И. ШИШКИН

г. Омск, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

ВЗРЫВ В УСАДЬБЕ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ 25 АВГУСТА 1919 г.

В результате государственного переворота, осуществленного в Омске 17–18 ноября 1918 г., было свергнуто Временное Всероссийское правительство, состоявшее из Директории и Совета Министров. Вместо него к власти пришло Российское правительство. Оно состояло из Верховного правителя, которым был избран бывший военный и морской министр только что свергнутого Временного Всероссийского правительства вице-адмирал А.В. Колчак, срочно произведенный в полные адмиралы, и Совета Министров. Статус Верховного правителя, который как бы единолично представлял верховную государственную власть на освобожденной от большевиков территории России, а в перспективе рассматривался в лагере контрреволюции после победы над большевиками в таком же качестве и для всей страны, требовал соответствующей этому титулу атрибутики, в том числе служебного помещения и жилья.

Со служебными помещениями никаких проблем не возникло. Поскольку А.В. Колчак являлся не только Верховным правителем, но и Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами России, то ему были быстро оборудованы два кабинета. Один кабинет, в котором он занимался преимущественно военными делами, находился на втором этаже здания Управления Омской железной дороги, где располагался штаб Верховного главнокомандующего (Ставка). Другой кабинет А.В. Колчаку устроили на втором этаже бывшего генерал-губернаторского дворца. К тому времени одними омичами он именовался Домом республики, другими – Домом свободы. В нем уже размещалась канцелярия Верховного правителя и Совета Министров, из которой в конце ноября 1918 г. выделилась в качестве самостоятельного структурного подразделения собственная канцелярия Верховного правителя.

Сложнее оказалось найти в Омске подобающее статусу Верховного правителя помещение для личной квартиры. По определению предполагалось, что это должно быть отдельное здание, находящееся в центре города, довольно внушительное по своим размерам и удобное для организации охраны. Заметим, что последнему фактору придавалось исключительное значение, поскольку после свержения Временного Всероссийского правительства эсеры грозились вступить в вооруженную борьбу против колчаковского режима, а окружение А.В. Колчака опасалось организации покушения на Верховного правителя. Эту версию умело поддерживал начальник центрального отделения военного контроля (так называлось контрразведывательное отделение при управлении первого генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего) подполковник Н.П. Злобин, который еще 24 ноября 1918 г. доложил начальнику разведывательного отделения при штабе Верховного главнокомандующего «о готовящемся террористическом акте над Верховным правителем» [1].

А.В. Колчак не мог не обратить внимание на расположенный на Береговой улице вдоль Иртыша особняк К.А. Батюшкина, который являлся городским вариантом дома-усадьбы. Площадь его жилого помещения достигала 500 кв. метров. В доме имелось достаточно комнат и вспомогательных помещений для рациональной организации работы и отдыха. К дому примыкал сад, имелись оранжерея и различного рода постройки для хозяйственных нужд.

К тому времени особняк К.А. Батюшкина занимала канцелярия Министерства снабжения, во главе которого с 27 июля 1918 г. находился И.И. Серебренников. С конца августа 1918 г. во Временном Сибирском правительстве И.И. Серебренников, по сути дела, был вторым после премьер-министра П.В. Вологодского человеком: он являлся заместителем председателя Совета Министров и возглавлял Административный совет – так называлась коллегия управляющих ведомствами Временного Сибирского правительства. Но после создания Временного Всероссийского правительства, и особенно после прихода к власти Российского правительства, акции И.И. Серебренникова пошли вниз. В политических кругах даже стали распространяться слухи о ненужности этого министерства и его ближайшем упразднении.

А.В. Колчаку особняк К.А. Батюшкина понравился, и адмирал решил использовать его под свою квартиру. Разговор с И.И. Серебренниковым о выселении сотрудников Министерства снабжения из занимаемого им помещения Верховный правитель взял на себя, поскольку едва ли кто-то из коллег И.И. Серебренникова по Совету Министров, включая П.В. Вологодского, захотел бы вести переговоры на столь деликатную тему. Для разговора А.В. Колчак пригласил И.И. Серебренникова к себе в Ставку. Верховный правитель встретил министра приветливо, но разговор повел в жестком тоне: «Я хочу занять этот особняк под свою личную квартиру и приказываю вам завтра же очистить его для меня» [2]. После попытки хотя бы на пару дней отсрочить переезд И.И. Серебренников был вынужден подчиниться ультимативному требованию А.В. Колчака.

Но, судя по всему, отказ немедленно принять условия А.В. Колчака не прошел для И.И. Серебренникова бесследно и ускорил потерю им министерского поста. 20 декабря 1918 г. Совет Министров признал необходимым объединить Министерство продовольствия и Министерство снабжения в единое ведомство. Неделю спустя Верховный правитель подписал указ об увольнении И.И. Серебренникова «за упразднением должности министра снабжения» [3]. В результате И.И. Серебренников, так много сделавший для укрепления российской контрреволюции, оказался за ее правительственным бортом и некоторое время чувствовал себя почти политическим изгоем.

Управление делами Верховного правителя и Совета Министров быстро заключило с К.А. Батюшкиным договор о найме усадьбы под квартиру А.В. Колчака. С 1 декабря 1918 г. особняк стал обслуживаться специально

нанятым управлением делами штатом служащих из 12 человек, прошедших проверку военного контроля. Первоначально в штат obsługi входили швейцар и его помощник, вахтер и его помощник, дворник, водовоз, один старший и два младших слугителя, два истопника и один помощник истопника, а также полотеры, количество которых не было четко определено [4].

Особняк был срочно отремонтирован изнутри и меблирован. Мебель для квартиры А.В. Колчака собирали по всему Омску у частных лиц. Пожалуй, главной находкой стал уже подержанный, но находившийся в хорошем состоянии столовый гарнитур из дуба, который одолжили во временное пользование у полковника Львова. Гарнитур включал в себя буфет, сервант, обеденный и чайный столы, а также 12 стульев, обитых дерматоидом.

Кстати, в конце сентября 1919 г., когда положение колчаковского режима стало незавидным, Львов обратился в управление делами с просьбой вернуть ему гарнитур или выкупить его за 100 тыс. рублей. Директор канцелярии Верховного правителя посчитал необходимым приобрести гарнитур в собственность казны. Была образована специальная комиссия, которая оценила гарнитур в 52 тыс. рублей. Представлявший интересы полковника Львова его сын поручик Львов согласился продать гарнитур за 75 тыс. рублей. По ходатайству директора канцелярии Верховного правителя, направленному через главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета Министров, 31 октября 1919 г. Совет Министров выделил испрашиваемую сумму [5].

В особняк К.А. Батюшкина А.В. Колчак, проживавший в то время в доме № 6, находившемся на углу Плотниковской и Фабричной улиц, переселился еще до середины декабря 1918 г. В одной из омских газет по поводу этого события вскоре появилась небольшая заметка, в которой сообщалось: «Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал Колчак переехал в новое, специально для него приготовленное помещение [...]» [6]. С этого времени в спешном порядке стали формироваться различные службы, отвечавшие за жизнеобеспечение и безопасность как жилого здания, которое стало именоваться сначала Домом, а затем иногда даже Дворцом Верховного правителя, так и всей усадьбы в целом. В имевшихся на территории усадьбы многочисленных вспомогательных постройках были устроены караульное помещение для охраны (роты конвоя), прачечная, гараж, конюшня, каретник, дровник, сапожная и закройно-швальная мастерские.

Особое внимание уделялось организации охраны усадьбы. Первоначально обеспечение безопасности Верховного правителя было возложено на уже упоминавшегося подполковника Н.П. Злобина. В конце ноября 1918 г. Н.П. Злобин разработал инструкции и предпринял ряд практических мер, которые должны были гарантировать личную безопасность А.В. Колчака. В частности, по улицам вокруг особняка К.А. Батюшкина предполагалось поставить караулы, иметь часового на террасе в саду, двух филеров на улице со стороны подъезда квартиры и одного филера внутри здания около приемной комнаты [7].

Но вскоре руководство обеспечением безопасности А.В. Колчака перешло в другие руки и было поставлено на принципиально иную основу. Произошло это потому, что Дом Верховного правителя стал структурным подразделением канцелярии Верховного правителя, которая, в свою очередь, входила в управление делами Верховного правителя и Совета Министров. Управление делами в то время возглавлял профессор Г.Г. Тельберг, который в работу канцелярии Верховного правителя не только не вмешивался, но и даже не вникал. Дело в том, что 3 декабря 1918 г. А.В. Колчак назначил временно исполняющим обязанности директора канцелярии своего сослуживца по Балтике, исполняющего обязанности главного морского прокурора полковника А.А. Мартьянова, который в тот же день был произведен в генерал-майоры флота [8]. А.А. Мартьянов пользовался абсолютным доверием А.В. Колчака и был, пожалуй, самым приближенным к нему человеком, если не считать морского министра контр-адмирала М.И. Смирнова, который, однако, в Омске часто отсутствовал.

Наряду с Домом Верховного правителя в подчинение А.А. Мартьянова были переданы адъютанты и штаб-офицеры для поручений Верховного правителя, конвой, обслуживавшие А.В. Колчака автомобильная часть и конюшня. Приказом управляющего делами Верховного правителя и Совета Министров от 23 января 1919 г. по распоряжению самого А.В. Колчака исполнение обязанностей старшего адъютанта Верховного правителя было возложено на старшего адъютанта Уфимской местной бригады ротмистра В.В. Князева, адъютантов – на являвшихся адъютантами А.В. Колчака еще в его бытность военным и морским министром Временного Всероссийского правительства поручика В.С. Матвеева и старшего лейтенанта Г.М. Сазонова, штаб-офицера для поручений – на начальника разведывательного отделения управления по оперативной части флота старшего лейтенанта М.М. Комелова, начальника охраны (команды конвоя) Верховного правителя – на командира 1-го батальона 28-го Ирбитского полка капитана А.Н. Удинцева, помощника начальника охраны – на начальника учебной команды 3-го Сибирского кадрового полка поручика Л.И. Огрохина. Старший адъютант В.В. Князев одновременно исполнял обязанности заведующего Домом Верховного правителя по хозяйственно-технической части и средствами сообщения, включая конюшню [9].

Реально, конечно, все эти обязанности выполняли совсем другие люди. Так, в штате Дома Верховного правителя имелся свой небольшой административный персонал, который составляли заведующий хозяйством, экзекутор и делопроизводитель. Главная обязанность заведующего хозяйством заключалась в закупке всех продуктов для стола Верховного правителя и офицеров конвоя, в закупке и доставке фуража для конюшни, необходимых материалов для функционирования хозяйственных служб и ремонта помещений.

Экзекутор отвечал за наем и увольнение прислуги, контролировал ее работу, следил за чистотой и порядком во всех внутренних помещениях, во дворе, в служебных постройках, за исправностью освещения и водоснабжения, мебели и различного инвентаря.

На делопроизводителе лежала ответственность за финансово-отчетную часть всего хозяйства. В начале июля 1919 г. старший адъютант В.В. Князев разработал и представил директору канцелярии «Положение о письмоводстве, отчетности, ведении хозяйства и порядке управления Домом Верховного правителя», который регламентировал указанные сферы жизнедеятельности. После утверждения «Положения» А.А. Мартьяновым оно было введено в действие [10].

Располагавшуюся в усадьбе автомобильную часть, которая обслуживала Верховного правителя, его адъютантов и порученцев, возглавляли начальник гаража и его помощник. Кроме них, в гараже служили механик, бригадир шоферов и 11 шоферов [11]. Конюшной фактически распоряжался некий джигит по имени Титай.

В Доме и в остальных службах был занят многочисленный низший персонал, насчитывавших несколько десятков человек: повара, официанты, шоферы, швейцары, вахтеры, курьеры, лакеи, дворники, конюхи, кучера, истопники, сторожа, садовники, поломойки, слесари, кузнецы, электротехник, столяр, шорник, портной, сапожник и др. Большую их часть составляли вольнонаемные гражданские лица. Но иногда по требованию А.А. Мартьянова для уборки территории выделялись военнопленные первой мировой войны, находившиеся в местном концентрационном лагере, а для работы в закроечно-швальной и сапожной мастерских откомандировывались опытные мастера, служившие в частях Омского гарнизона [12].

Поскольку военный контроль перед приемом на службу в Дом Верховного правителя проводил проверку желавших работать в нем, что со стороны контрразведки требовало времени и усилий, то В.В. Князев стремился минимизировать текучесть кадров. Когда в августе 1919 г. был объявлен очередной призыв в армию, по его инициативе канцелярия Верховного правителя даже вошла в мобилизационный отдел управления 3-го генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего с ходатайством о предоставлении отсрочки нескольким служащим Дома Верховного правителя [13].

Приказом управляющего делами от 24 января 1919 г. был утвержден временный штат команды (роты) конвоя Верховного правителя. Он насчитывал шесть младших офицеров, одного фельдфебеля, шесть унтер-офицеров, 12 командиров отделения, 120 рядовых (штыков), 10 конных ординарцев, 10 пулеметчиков, пять телефонистов, по два кашевара, конюха, санитар и сапожника, одного артельщика, барабанщика, горниста, каптенармуса, медицинского фельдшера, писаря и портного [14]. Затем штат конвоя был увеличен, и уже к середине августа 1919 г., когда его формирование было завершено, он насчитывал 263 человека, 11 из которых были младшими офицерами [15].

Известно, что младших офицеров в конвой Верховного правителя отбирали очень строго. 6 июня 1919 г. А.А. Мартьянов установил для этого жесткие правила. Предпочтение отдавалось офицерам, окончившим кадетские корпуса и затем выпущенным из военных училищ. Каждый офицер, желавший поступить в конвой Верховного правителя, должен быть лично известен

А.Н. Удинцеву, рекомендован офицером, уже служащим в конвое, или же не менее чем двумя офицерами какой-либо воинской части, причем как рекомендующие, так и их начальник должны быть лично известны А.Н. Удинцеву. Преимущество при зачислении отдавалось офицерам с боевым прошлым, но решающее значение имели личные нравственные качества. О каждом зачисляемом в конвой офицере А.Н. Удинцев должен был докладывать А.А. Мартыанову.

При зачислении в конвой Верховного правителя солдат предписывалось отдавать предпочтение самому молодому сроку и неуклонно руководствоваться наличием ручательства прямых начальников в их нравственной порядочности [16]. Что касается конкретных источников формирования рядового состава, то полностью выяснить их не удалось. Известно только, что в 20-х числах февраля 1919 г. для пополнения конвоя прибыли 50 солдат из школы подготовки унтер-офицеров при штабе Западной армии [17]. Это позволяет утверждать, что рядовой состав конвоя Верховного правителя был выше среднего уровня солдатской массы.

В усадьбе имелось не менее пяти постов, на которых дежурили чины конвоя. Первый пост находился у ворот Дома Верховного правителя. Именно через него входили и выходили все посещавшие А.В. Колчака и служащие усадьбы. Причем покинуть усадьбу можно было только после того, как специальный служащий или постовой, которых называли «звонковыми», сообщал об этом часовому, стоявшему у ворот.

В парадном вестибюле Дома Верховного правителя находился пятый по нумерации пост, на котором дежурили двое часовых. Причем один из этих часовых через окно, выходившее во двор, мог наблюдать за тем, что происходило в районе караульного помещения, прачечной и гаража.

В свою очередь охрана прилегающих к усадьбе К.А. Батюшкина улиц обеспечивалась Министерством внутренних дел. С конца марта 1919 г. эту службу возглавлял генерал-майор Г.И. Попов, назначенный на должность генерала для особых поручений при Верховном правителе и Верховном главнокомандующем. Г.И. Попов был специалистом высокого уровня. До Февральской революции он в течение пяти лет заведовал охраной императора Николая II в Крыму. Чины милиции, а в вечернее время – еще и подчиненные Г.И. Попова тщательно проверяли всех людей, которые проходили вблизи усадьбы [18].

Сохранилась утвержденная межведомственным совещанием смета расходов канцелярии Верховного правителя на 1919 год. Из нее следует, что на содержание Дома Верховного правителя, под которым понимались арендная плата, оплата труда низшего персонала, покупка и ремонт мебели, отопление, освещение, водоснабжение, телефон, мелкий ремонт и поддержание чистоты в жилых помещениях, предполагалось потратить 217 955 руб. 56 коп.

На содержание личного состава распорядительной части Дома Верховного правителя (заведующий Домом и конюшней, начальник конвоя и его заместитель, начальник автомобильной части) предусматривалось израсходовать 323 999 руб. 64 коп.

Еще 396 480 руб. выделялись на дополнительное довольствие и содержание конвоя.

Немало денег – 350 024 руб. – предназначалось на содержание конюшни, где имелось не менее двух десятков выездных верховых и дышловых лошадей. Несколько из них предназначались лично А.В. Колчаку, остальные – начальнику конвоя, его заместителю и ординарцам. Одну из лошадей А.В. Колчаку подарил атаман Оренбургского казачьего войска А.И. Дутов. Две пары кровных лошадей, предназначенных для дышловой езды, весной 1919 г. купил по заданию А.А. Мартьянова в Томске ротмистр В.Н. Цевловский. Одну пару вороных он приобрел за 60 тыс. рублей у коннозаводчика А.Е. Кухтерина, фамилию владельца другой пары лошадей, за которую было уплачено 27 тыс. рублей, выяснить не удалось [19]. Не исключено, что это был П.П. Вытнов, занимавшийся перепродажей кровных лошадей конного завода Г.И. Фуксмана.

Но самой большой статьёй расхода являлось содержание механических средств сообщения. На автомобильную часть, находившуюся в усадьбе Верховного правителя, выделялось 2 369 487 руб. 50 коп. Среди основных расходов полмиллиона предполагалось направить на покупку новых машин, 135,6 тыс. рублей – на сооружение автомастерской, 146,3 тыс. – на покрывки и камеры, 115,0 тыс. – на топливо и смазку [20].

Из приведенной сметы становится ясно, что содержание занимаемой Верховным правителем усадьбы обходилось государственной казне в серьезную сумму.

Основное рабочее время А.В. Колчак, если он находился в Омске, проводил в своих служебных кабинетах. Оно проходило в чтении и осмыслении представленных документов, в заслушивании докладов подчиненных и принятии решений. Для руководителей высшего ранга сразу же был установлен порядок, в соответствии с которым получить прием у Верховного правителя в любое время имели право председатель Совета Министров, начальник штаба Верховного главнокомандующего и генерал-квартирмейстеры. Министры, управляющие министерствами и ведомствами, главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета Министров, командующие армиями, округами и корпусами могли получить аудиенцию у А.В. Колчака в любой день недели, кроме воскресенья, в Ставке с 15 до 17 часов 30 мин. или в канцелярии с 18 до 20 часов. Кроме того, ежедневно с 13 до 14 часов А.В. Колчак принимал в Ставке всех остальных лиц, прибывших по служебным или частным делам [21].

В дальнейшем – сначала 20 января, затем 8 апреля 1919 г. – для главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета Министров, начальника штаба Верховного главнокомандующего, министров, управляющих министерствами и ведомствами были установлены конкретные дни недели и часы, в которые им полагалось являться с докладом к А.В. Колчаку в его служебные кабинеты. Точно так же было определено

время заседаний Совета Верховного правителя, местом проведения которых являлся служебный кабинет А.В. Колчака в Ставке [22].

Что касается Дома Верховного правителя, то здесь у А.В. Колчака тоже имелся рабочий кабинет. В течение первого месяца проживания на новой квартире адмирал довольно часто принимал здесь должностных лиц. Однако делал он это отнюдь не от «хорошей жизни». С 16 ноября 1918 г. А.В. Колчаку нездоровилось. Затем начался грипп, вызвавший катаральное состояние правого легкого. С 21 декабря адмиралу был прописан постельный режим [23].

Через десять дней дело дошло до того, что на заседании Совета Министров П.В. Вологодский со ссылкой на специально приехавшего из Томска для лечения А.В. Колчака профессора М.Г. Курлова заявил о том, что состояние здоровья адмирала «внушает пока опасение». П.В. Вологодский попросил министров и управляющих ведомствами «на ближайшее время воздержаться от личных докладов и разного рода волнующих сообщений Верховному правителю» [24].

После того, как А.В. Колчак выздоровел, доступ в Дом Верховного правителя был ограничен. Сюда стали допускать весьма узкий круг лиц, входивших в ближайшее окружение адмирала. Официальные приемы здесь производились в основном для иностранных военных и дипломатических представителей. Российские государственные и военные деятели могли получить аудиенцию А.В. Колчака в его квартире в основном в случае форс-мажорных обстоятельств или по личной инициативе адмирала. Для всех посетителей А.А. Мартьянов установил порядок, в соответствии с которым любой человек, даже получивший приглашение самого Верховного правителя, но не известный чинам караула, мог пройти в жилое помещение только с ведома и в присутствии дежурного офицера охраны, а затем должен был получить разрешение дежурного адъютанта [25].

О том, насколько жестко контролировался доступ в Дом Верховного правителя, свидетельствует такой факт. В мае 1919 г. директор департамента милиции Министерства внутренних дел В.Н. Агарев обратился в канцелярию Верховного правителя с просьбой выдать ему билет для входа по делам службы в Дом Верховного правителя, но А.А. Мартьянов ему в просьбе отказал [26].

Не менее показательны два других случая. Согласно существовавшим в то время требованиям, в июле 1919 г. владельцу усадьбы К.А. Батюшкину потребовалось измерить кубатуру жилого помещения. Для того, чтобы попасть в собственный дом, К.А. Батюшкин был вынужден обратиться к главноуправляющему делами Верховного правителя и Совета Министров Г.Г. Тельбергу. Г.Г. Тельберг отдал В.В. Князеву распоряжение, разрешавшее К.А. Батюшкину «доступ в дом для измерения кубатуры согласно требованиям закона». Г.Г. Тельберг также обязал В.В. Князева назначить точное время для осуществления названной процедуры, о чем последний должен был заблаговременно поставить в известность К.А. Батюшкина [27].

Другой случай связан с просьбой депутации Сибирского казачьего войска снять две копии с образа Святого Николая, поднесенного Верховному правителю епископом Пермским. Этот образ являлся списком с иконы Святого

Николая на Никольских воротах Кремля. Одна копия предназначалась для войскового Никольского собора, другая – для благословения Сибирской казачьей дивизии. Еще 21 мая 1919 г. А.В. Колчак дал свое соизволение на снятие копий с образа, который находился в его квартире. Почетная обязанность выполнить эту работу выпала преподавателю Омской учительской семинарии художнику И.В. Волкову.

Восемнадцатого августа 1919 г. директор канцелярии Верховного правителя получил от заместителя войскового атамана Сибирского казачьего войска мотивированное ходатайство с просьбой выдать разрешение И.В. Волкову на право произвести работы по снятию копий. Через день А.А. Мартыанов отдал распоряжение заведующему Домом Верховного правителя пропустить И.В. Волкова в жилое помещение А.В. Колчака, а самому И.В. Волкову явиться в канцелярию Верховного правителя для получения разрешения, допускающего его к месту работы [28].

Впрочем, из этих жестких правил делались исключения. Главным из них являлась привилегия, которую имела А.В. Тимирева, служившая с 5 января 1919 г. переводчицей отдела печати при управлении делами Верховного правителя и Совета Министров [29]. А.В. Колчак и А.В. Тимирева уже давно были любовниками, хотя перед законной супругой адмирал эту связь категорически отрицал. А.В. Тимирева имела доступ в квартиру А.В. Колчака даже в его отсутствие. В середине февраля 1919 г., когда А.В. Колчак находился в отъезде, А.В. Тимирева, как она сама признавала, «на основании захватного права» два дня провела в Доме адмирала, где пользовалась его «комнатой, койкой и даже блокнотом с заголовком “Верховный правитель”» [30].

Приведенные факты позволяют утверждать, что усадьба К.А. Батюшкина и Дом Верховного правителя надежно охранялись. Несанкционированный доступ в них, особенно в квартиру А.В. Колчака, посторонних лиц был абсолютно исключен благодаря установленному и строго соблюдавшемуся порядку, за которым наблюдали А.А. Мартыанов, Г.И. Попов, В.В. Князев и А.Н. Удинцев.

Последнее, конечно, не являлось абсолютной гарантией от непредвиденных, в том числе чрезвычайных, происшествий на территории всей усадьбы, где располагались различные службы, в которых были заняты десятки людей. Одно из таких происшествий случилось 25 августа 1919 г.

Вот как развивались события. В конце этого дня обязанности дежурного офицера роты конвоя принял на себя капитан А.К. Петров, а караульным начальником заступил младший унтер-офицер Н.Е. Вострокнутов. А.К. Петров знал, что через несколько часов из поездки на фронт в Омск возвратится А.В. Колчак, поэтому в 19 часов он и Н.Е. Вострокнутов произвели смену находившихся в карауле солдат, заменив молодых военнослужащих на более опытных. Сделав полный развод часовых и потом еще раз обойдя посты, А.К. Петров пришел в дежурную комнату Дома Верховного правителя, где находился телефон, чтобы быть на связи, а Н.Е. Вострокнутов вернулся в караульное помещение, где находилось десятка два отдохавших стрелков из конвойной команды.

О дальнейшем развитии событий капитан А.К. Петров показал производшему дознание следователю следующее: «Часов в 8 с минутами раздался оглушительный взрыв, и дом моментально заполнился дымом. Возле меня разбило стекло. Я заподозрил, что подбросили бомбу, выбежал сначала в переднюю, а затем во двор. Там я увидел огромное облако пыли и дыма и едва видные обломки караульного помещения, откуда неслись стоны и крики».

Двое из числа допрошенных – находившийся внутри караульного помещения Н.Е. Вострокнутов и стоявший на четвертом посту, который располагался около караульного помещения, младший унтер-офицер Г.И. Решетников – сообщили еще одну важную деталь, о которой из-за отдаленности от места события не мог знать А.К. Петров. «Сначала был выстрел глухой, – заявил Н.Е. Вострокнутов, – а потом уже взрыв». По сути дела ему вторил Г.И. Решетников, показавший, что «слышно было сначала глухой выстрел, а потом произошел взрыв» [31].

По масштабам и характеру произведенных разрушений можно утверждать, что взрыв был очень сильный. Им до основания было разрушено здание караульного помещения; уничтожена находившаяся в этом же помещении прачечная; пострадала жилой дом и другие надворные постройки; оказались сломаны две телеги и тарантас; частично уничтожен или сломан мелкий инвентарь и инструменты; выбиты все стекла оранжереи и тех окон жилого дома, которые выходили во двор; часть сада и огорода оказалась засыпана мусором; убиты две лошади конных ординарцев. Находившихся во дворе каптенармуса конвоя Н.Л. Арбузова и стрелка С.Е. Лапкина оглушило и взрывной волной выбросило со двора в сад.

И самое главное – в результате взрыва пострадали почти два десятка человек, находившихся в караульном помещении или вблизи него, в том числе погибли шесть человек из роты конвоя, а еще 12–14 конвойных были ранены и контужены. В числе погибших оказался служивший в охране А.В. Колчака 24-летний талантливый поэт Ю.И. Сопов [32].

В ряде публикаций утверждается, что происшедший 25 августа 1919 г. взрыв в усадьбе К.А. Батюшкина являлся неудачным покушением на жизнь Верховного правителя [33]. Эти высказывания делаются без ссылок на достоверные источники. Более того, они противоречат показаниям опрошенных в ходе произведенного дознания чинов конвоя. Сошлемся на заявление наиболее осведомленного в этом вопросе человека – капитана А.К. Петрова. «По моему мнению, – утверждал он, – взрыв произошел от какой-нибудь случайности с гранатами» [34].

Такого же мнения был штаб Верховного главнокомандующего. 26 августа 1919 г. его осведомительный отдел предоставил органам повременной печати не оставляющую никакого сомнения информацию: «25 августа около 8 час. вечера в караульном помещении при квартире Верховного правителя произошел взрыв ручных гранат, хранившихся в помещении, от неосторожного обращения одного из чинов караула» [35].

И, конечно, ни в коем случае нельзя игнорировать точку зрения самого А.В. Колчака. 11 октября 1919 г. начальник конвоя Верховного правителя

А.Н. Удинцев предоставил А.А. Мартьянову переписку «о произведенном дознании по делу о взрыве 25-го августа с. г. в караульном помещении Верховного правителя». А.А. Мартьянов ознакомил с полученным материалом адмирала, который высказал по этому вопросу свое суждение. По утверждению А.А. Мартьянова, 15 октября 1919 г. зафиксированном на титульном листе рапорта А.Н. Удинцева, оно было таким: «Верховный правитель считает, что взрыв произошел случайно от неосторожного обращ[ения] с гранатами [...]» [36]. Со ссылкой на показания Н.Е. Вострокнутова и Г.И. Решетникова, можно предположить, что причиной взрыва гранат был упоминаемый вышеназванными чинами конвоя «глухой выстрел». Только совершенно не понятно, что это был за звук в действительности, кто и почему сделал этот «выстрел».

Обратим внимание еще на ряд обстоятельств, которые, по нашему мнению, абсолютно исключают трактовку происшедшего как покушение на Верховного правителя.

Во-первых, абсурдно само предположение, что кто-то надеялся физически уничтожить А.В. Колчака организацией взрыва караульного помещения, в котором адмирал не бывал, тем более в отсутствие Верховного правителя в Омске, о чем все служащие усадьбы знали.

Во-вторых, если бы А.В. Колчак и его окружение действительно считали происшедший инцидент покушением на жизнь Верховного правителя, они бы попытались обнаружить организаторов этой акции, чем, однако, спецслужбы не занимались и использовали данный факт в агитационных целях для дискредитации противников колчаковского режима.

В-третьих, во второй половине 1918 – в первой половине 1919 г. предпринимались попытки покушения на полковника Р. Гайду и на генерала Д.Л. Хорвата; оба упомянутых случая не только не замалчивались, а, напротив, широко освещались в сибирской и дальневосточной печати.

В-четвертых, после поражения колчаковского режима никто из его противников не заявил о том, что имел отношение к взрыву 25 августа 1919 г. в занимаемой А.В. Колчаком усадьбе, хотя на этом можно было заработать политические дивиденды.

Наконец, в пользу трактовки взрыва 25 августа 1919 г. как непредумышленного инцидента свидетельствует мера наказания, которую понесли адъютанты Верховного правителя В.В. Князев и Г.М. Сазонов, не сопровождавшие его в поездке на фронт, а находившиеся в это время в Омске. 29 августа 1919 г. они были уволены с занимаемых должностей с отчислением из штата управления делами Верховного правителя и Совета Министров [37]. В случае, если бы А.В. Колчак считал взрыв в караульном помещении покушением на него, мера служебного наказания этих офицеров была бы принципиально иной.

Взрыв доставил много неудобств А.В. Колчаку, его конвою и администрации вспомогательно-хозяйственных служб. Чинам конвоя пришлось временно размещаться в подвале жилого здания и в помещении гаража. Руководство

всеми ремонтно-восстановительными работами легло на плечи трех человек: назначенного 26 августа 1919 г. заведующим хозяйством Дома Верховного правителя И.В. Адамышева, ранее служившего в главном интендантстве смотрителем тюменских магазинов; назначенного 4 сентября 1919 г. исполняющим обязанности заведующего Домом Верховного правителя В.С. Сердобинского, состоявшего чиновником особых поручений при Верховном правителе; и гражданского инженера поручика Кнопмуса, служившего в Омской инженерной дистанции [38].

Главной фигурой среди них – производителем работ по восстановлению разрушенного караульного помещения, прачечной и по ремонту пострадавших построек – являлся Кнопмус. Надо отдать Кнопмусу должное: он приступил к делу немедленно и действовал весьма активно. Согласно составленной Кнопмусом смете для выполнения всего объема работ требовалось получить от казны кредит в размере 400 тыс. рублей [39].

Не дожидаясь открытия кредита, Кнопмус приступил к строительно-ремонтным работам в усадьбе. Как рапортовал он 9 сентября 1919 г. генералу для поручений при Верховном правителе, они велись «в самом срочном порядке, насколько это позволяет существующее положение». Строители трудились до темноты даже в воскресные и праздничные дни. Однако высокий темп работ сдерживался отсутствием строительных материалов в одних случаях, высокими ценами – в других. Например, из-за отсутствия в Омске стекла строители три дня не могли застеклить пострадавшие окна Дома Верховного правителя, в результате чего та часть жилого помещения, которая выходила во двор, подверглась загрязнению. Большую часть строительных материалов пришлось покупать, «не считаясь с их стоимостью» [40].

Но высокие расходы не смущали управление делами Верховного правителя и Совета Министров. 11 сентября 1919 г. Кнопмус получил предписание А.А. Мартыянова произвести все работы «весьма экстренно» и закончить таковые «в кратчайший срок, не взирая на стоимость их» [41].

В результате к началу октября 1919 г. новое караульное помещение и помещение для прачечной были построены. Это были здания простейшего, барачного типа с печами, плитами, чердаком для сушки белья, топчанами и нарами, столами и скамейками. Из-за срочности работы они довольно дорого обошлись государственной казне. Но пользоваться ими чинам конвоя Верховного правителя пришлось немногим больше месяца, так как 14 ноября 1919 г. в Омск вошли части уже другой армии, Красной.

1. Шишкин В.И. Организация охраны Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака (конец 1918 – 1919 г.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 2011. № 16. С. 264.
2. Серебrenников И.И. Гражданская война в России: великий отход. М., 2003. С. 440.
3. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 69–72; Правительственный вестник (Омск). 1919. 11 и 14 января.
4. Там же. Оп. 2. Д. 9. Л. 66, 85; Оп. 4. Д. 133. Л. 6–7.
5. Там же. Оп. 5. Д. 245. Л. 223; Д. 289. Л. 2, 5–6.

6. Русская армия (Омск). 1918. 18 декабря.
7. Шишкин В.И. Организация охраны Верховного правителя С. 264 – 270.
8. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 148. Л. 1; Правительственный вестник. 1918. 12 декабря; Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на востоке России в годы Гражданской войны. Биографический справочник. М., 2011. С. 333–334.
9. Там же. Оп. 2. Д. 9. Л. 15, 193; Д. 101. Л. 78.
10. Там же. Оп. 4. Д. 133. Л. 30.
11. Там же. Оп. 2. Д. 101. Л. 78, 90–91.
12. Там же. Оп. 4. Д. 133. Л. 4, 23–24, 60, 63, 82, 83, 112.
13. Там же. Л. 52–55.
14. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 46. Л. 37; Оп. 2. Д. 9. Л. 58.
15. Шишкин В.И. Организация охраны Верховного правителя... С. 279.
16. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 177. Л. 49.
17. Там же. Д. 133. Л. 14.
18. Там же. Л. 97; Шишкин В.И. Организация охраны Верховного правителя... С. 271 – 272.
19. Там же. Л. 21.
20. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1773. Л. 5–6.
21. Русская армия. 1918. 29 ноября и 12 декабря.
22. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 2. Д. 9. Л. 49, 293.
23. Правительственный вестник. 1918. 25 декабря.
24. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 100.
25. Там же. Оп. 4. Д. 133. Л. 28.
26. Там же. Л. 27.
27. Там же. Л. 29.
28. Там же. Л. 43–44.
29. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 2. Д. 9. Л. 261.
30. Шишкин В.И. Колчак влюбленный. Переписка А.В. Колчака с А.В. Тимиревой // Сибирские огни. Новосибирск, 1993. № 5–6. С. 159.
31. ГАРФ. Ф.р-176. Оп. 4. Д. 133. Л. 74–75.
32. Сибирская речь (Омск). 1919. 31 августа.
33. См., например: Вибет П.П. Особняк Батюшкина // Вибет П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 192; Ракова А.П. Омск – столица Белой России. Омск, 2010. С. 130; Лосунов А.М. Омский адрес Верховного правителя. Омск, 2011. С. 142.
34. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 133. Л. 73 об.
35. Правительственный вестник. 1919. 26 августа; Русская армия. 1919. 26 августа; Сибирская речь. 1919. 27 августа.
36. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 133. Л. 72.
37. Там же. Оп. 2. Д. 123. Л. 110.
38. Там же. Л. 134; Д. 117. Л. 15.
39. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 290. Л. 5–7, 10.
40. Там же. Оп. 4. Д. 133. Л. 59.
41. Там же. Л. 58.